

Джеральд Даррелл

ПТИЦЫ,
ЗВЕРИ
и
РОДСТВЕН-
НИКИ

Джеральд Даррелл
Птицы, звери и родственники
Серия «Большой роман»
Серия «Трилогия о Корфу», книга 2

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31513848

Джеральд Даррелл. Птицы, звери и родственники: Азбука-Антикус;

Москва; 2022

ISBN 978-5-389-21340-1

Аннотация

«Птицы, звери и родственники» – это продолжение романа «Моя семья и другие звери» – «книги, завораживающей в буквальном смысле слова» (*Sunday Times*) и «самой восхитительной идиллии, какую только можно вообразить» (*The New Yorker*). С неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором Даррелл рассказывает о пятилетнем пребывании своей семьи (в том числе старшего брата Ларри, то есть Лоренса Даррелла – будущего автора знаменитого «Александрийского квартета») на греческом острове Корфу. Эти романы и сборники разошлись по миру многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а в Англии даже вошли в школьную программу. «Трилогия о Корфу» (с течением времени

разросшаяся до шести книг) трижды переносилась на телеэкран, причем последний раз – в 2016 году, когда британская компания *ITV* выпустила первый сезон сериала «Дарреллы», одним из постановщиков которого выступил Эдвард Холл («Аббатство Даунтон», «Мисс Марпл Агаты Кристи»).

Роман публикуется в новом (и впервые – в полном) переводе, выполненном Сергеем Таском, чьи переводы Тома Вулфа и Джона Ле Карре, Стивена Кинга и Пола Остера, Иэна Макьюэна, Ричарда Йейтса и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда уже стали классическими.

Содержание

Семейное обсуждение	8
Часть первая. Перама	15
1	16
2	40
3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Джеральд Даррелл

Птицы, звери и родственники

Gerald Durrell

BIRDS, BEASTS AND RELATIVES

Copyright © 1969 by Gerald Durrell

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency.

© Сергей Таск, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Джеральд Даррелл вошел в историю не только как писатель, но и как натуралист и просветитель. Главным его наследием стали зоопарк в Джерси, где разводят и выпускают на волю диких животных, и собственно «Трилогия о Корфу», начатая романом «Моя семья и другие звери» – одной из лучших книг о путешествиях в истории литературы. И сам этот роман, и его продолжения разошлись по миру

многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а затем в Англии даже вошли в школьную программу.

Все персонажи, упомянутые здесь, – реальные люди, и все они Дарреллом тщательно описаны. То же касается и животных. И все описанные в книге случаи – факты, хотя и не всегда изложенные в хронологическом порядке, но об этом автор сам предупреждает в предисловии. Диалоги тоже точно воспроизводят манеру, в которой Дарреллы общались друг с другом. Итак, если детство и вправду, как говорят, «банковский счет писателя», то именно на Корфу Джеральд с лихвой пополнил его опытом, впоследствии отраженном в его знаменитых книгах.

The Corfiot

В число лучших книг, которые помогают вернуть радость к жизни и справиться с хандрой, безусловно, входят произведения Джеральда Даррелла. В самом названии книги... заключена, как и положено, вся ее суть. Автор действительно рассказывает о членах своей семьи и о греческих друзьях своей семьи как о взбалмошных, непредсказуемых, но очень симпатичных экспонатах некоего «зверинца памяти», а о разнообразных животных, которых он в детстве ловил и наблюдал на острове Корфу, – как о любимых членах семьи. Ровный и сильный свет мягкого юмора и радостного принятия жизни заливает страницы книги Даррелла, превращая летопись существования

взрослых, детей и зверей на острове Корфу в описание
рая на земле.

Gorky.ru

Самая восхитительная идиллия, какую только можно
вообразить.

The New Yorker

* * *

*Посвящается Теодору Стефанидесу, с
благодарностью за смех и знания*

Семейное обсуждение

Зима выдалась суровая, и даже когда ей на смену вроде бы пришла весна, крокусам, обладающим трогательной и непоколебимой верой в смену времен года, приходилось упорно пробиваться сквозь тонкую корку снега. Низкое и серое небо готово было в любую минуту выдать очередной снегопад, а вокруг нашего дома завывал колючий ветер. В общем, погодные условия нельзя было назвать идеальными для посиделок, особенно в случае с моей семейкой.

Мы впервые собрались вместе в Англии после окончания Второй мировой войны, и надо же такому случиться, что в этот день мела метель. На моих домашних это подействовало не лучшим образом: повышенная раздражительность, обиды по пустякам и ни малейшей готовности прислушаться к чужому мнению.

Словно прайд угрюмых львов, мы все сошлись вокруг огня, полыхавшего так невыносимо ярко, что казалось, вот-вот займется дымоход. Моя сестра Марго пять минут назад пригласила из сада сухое деревце, один конец которого засунула в камин, а второй спокойно лежал на ковре. Мать как будто сосредоточилась на вязанье, но, судя по отсутствующему выражению лица и молитвенно шевелящимся губам, обдумывала меню завтрашнего обеда. Мой средний брат Лесли уткнулся в солидное пособие по баллистике, а старший брат

Лоренс в свитере с высоким воротом, в каких обычно ходят рыбаки (к тому же слишком свободном, на пару размеров), стоял у окна и регулярно сморкался в большой ярко-красный носовой платок.

– Какая ужасная страна, – развернувшись, бросил он нам с вызовом, как будто мы персонально несли ответственность за установившуюся погоду. – Стоит только сойти на берег в Дувре, как на тебя набрасываются полчища микробов... Вы хоть понимаете, что у меня первая простуда за двенадцать лет? А все потому, что до сих пор у меня хватало ума держаться подальше от острова Пудинг. Кого ни встретишь, у всех насморк. Круглый год в Великобритании все только тем и занимаются, что ходят по кругу и сладострастно чихают друг другу в лицо... ни дать ни взять карусель инфекций. И какой, спрашивается, шанс у тебя выжить?

– У тебя обычная простуда, а ведешь ты себя так, словно это конец света, – сказала Марго. – Почему мужчины такие нытики, не могу понять.

Ларри испепелил ее взглядом слезящихся глаз.

– Знаете, в чем ваша беда? Вам нравится быть мучениками. Только люди, склонные к мазохизму, способны жить в этом вирусном раю. Вы стагнируете. И вам нравится угасать в море инфекций. Можно еще понять людей, которые ничего другого не видели, но после греческого солнца... Вам есть с чем сравнивать.

– Да, дорогой, – примирительно сказала мать. – Но тебе

просто не повезло с погодой. Здесь бывает очень даже хорошо. Весной, например.

Ларри уставился на нее:

– Не хочется тебя выводить из затяжного, как у Рипа ван Винкля, сна, но весна уже наступила... якобы. Чтобы добраться до почты, надо запрягать упряжку с эскимосскими лайками.

– Полдьюма снега, – фыркнула Марго. – Ты все преувеличиваешь.

– А я с Ларри согласен, – заявил Лесли, выныривая из своей книги. – Настоящая холодрыга. Делать ничего не хочется. Даже толком не поохотишься.

– Вот-вот, – торжествовал Ларри. – Если в нормальной стране вроде Греции можно позавтракать в саду, а потом искупнуться в море, то здесь у меня так стучат зубы, что я вообще с трудом могу жевать.

– Хватит уже о Греции, – осадил его Лесли. – Сразу вспоминается Джерри с его кошмарной книжкой. На меня целый год все смотрели косо.

– *Целый год?* – съехидничал Ларри. – А что тогда говорить обо мне? Ты себе даже не представляешь, какой урон моей литературной репутации нанесла эта карикатура а-ля Диккенс.

– Его почитать, так я ни о чем другом не способен думать, только об оружии да лодках, – возмутился Лесли.

– Что чистая правда.

– Больше всего он отыгрался на мне, – вступила Марго. – Сколько страниц он посвятил моим прыщам!

– По-моему, всех вас он изобразил довольно правдиво, – заявила мать. – А вот из меня сделал какую-то ненормальную.

– Ладно бы меня карикатурно вывели в хорошей прозе, – заметил Ларри и трубно высморкался, – но когда еще и стилистическая беспомощность... невыносимо.

– Одно название чего стоит, – продолжила Марго. – «Моя семья и другие звери»! Меня уже достали вопросом: «А из других зверей ты кто?»

– А мне название показалось довольно забавным, – сказала мать. – Только жаль, что лучшие истории выпали.

– Да, верно, – согласился с ней Лесли.

– Это какие же? – с подозрением спросил Ларри.

– Например, как ты отправился на яхте Макса вокруг острова. По-моему, чертовски смешно.

– Если бы он это напечатал, я бы его засудил.

– Ну и зря. Действительно смешно, – сказала Марго.

– А если бы он рассказал, как ты занималась спиритизмом? Это бы тебе понравилось? – ехидно поинтересовался Ларри.

– Вот еще! Он не посмеет, – ужаснулась Марго.

– То-то же, – позлорадствовал он. – А помнишь, Лесли, как на тебя подали в суд?

– Меня-то ты зачем сюда приплел?

– А кто жаловался, что он не вставил лучшие истории?

– Ах, я про все это даже забыла, – рассмеялась мать. – Мне кажется, Джерри, они смешнее тех, которые ты включил в книгу.

– Хорошо, что ты так считаешь, – сказал я задумчиво.

– Это еще почему? – уставился на меня Ларри.

– Потому что я решил написать про Корфу еще одну книгу и вставить туда все эти истории, – ответил я простодушно.

Это вызвало настоящую бурю.

– Я тебе запрещаю! – прорычал Ларри и оглушительно чихнул. – Категорически запрещаю.

– Не смей писать о моих занятиях спиритизмом! – выкрикнула Марго. – Мама, скажи ему!

– И о том, как на меня подали в суд, – проворчал Лесли. – Я этого не потерплю.

– А если хотя бы упомянешь яхту... – угрожающе начал Ларри.

– Ларри, дорогой, можно не так громко? – попросила мать.

– Тогда запрети ему писать продолжение! – прокричал он.

– Не говори глупости. Как я могу ему запретить?

– Ты хочешь, чтобы все это повторилось? – прохрипел Ларри. – Банк потребует, чтобы ты срочно погасила кредит. Лавочники будут на тебя многозначительно поглядывать. Нас завалят анонимными бандеролями со смирительными рубашками, от нас отрекутся все родственники. Кто у

нас глава дома? Вот и запрети ему писать!

– Дорогой, ты, как всегда, преувеличиваешь, – сказала мать. – В любом случае, если он хочет писать, я не могу сказать «нет». Не вижу в этой затее ничего вредного, тем более что речь идет о лучших историях. Почему бы ему не написать продолжение?

Тут семейство встало как один и громогласно объяснило ей, почему мне нельзя писать продолжение. Я подождал, пока буря уляжется.

– Есть и другие интересные истории, – сказал я.

– Какие же, дорогой? – поинтересовалась мать.

Вся семья – раскрасневшись, ошетинившись, сверля меня взорами – замерла в ожидании.

– Ну... – Я задумался. – Опишу твой роман с капитаном Кричем.

– Что? – Она даже взвизгнула. – Только посмей!.. Роман с этим мерзким стариком... Я тебе запрещаю!

– По-моему, самая замечательная история, – елеинным голосом сказал Ларри. – Тайная страсть, по-старомодному очаровательное ухаживание... то, как ты водила за нос этого беднягу...

– Ларри, помолчи. – Мать совсем расстроилась. – Не выводи меня из себя. Джерри, мне кажется, продолжение книги – это не лучшая идея.

– Вот и я о том же, – поддакнул Ларри. – Если ты это напечатаешь, мы всей семьей подадим на тебя в суд.

Перед лицом такого твердого и единодушного отпора домашних, готовых на все, чтобы только зарубить идею на корню, мне ничего не оставалось, кроме как сесть и написать эту книжку.

В данном случае перед автором вставали серьезные проблемы. Новых читателей будут раздражать постоянные отсылки к предыдущей книге, которую они не читали, а те, кто с ней знаком, станут досадовать на частые повторы уже известных им событий. Надеюсь, что мне удалось проложить курс между Сциллой и Харибдой.

Часть первая. Перама

*Множество в этом саду деревьев росло
плодоносных —*

*Груши, гранатных деревьев, с плодами
блестящими яблонь,*

*Сладкие фиги дающих смоковниц и маслин
роскошных.*

*Будь то зима или лето, всегда там плоды на
деревьях;*

*Нету им порчи и нету конца; постоянно там
веет*

Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие.

*Груша за грушей там зреет, за яблоком — яблоко,
смоква*

*Следом за смоквой, за гроздьями вслед поспевают
другие.*

*Гомер. Одиссея. Песнь седьмая
(Перевод В. Вересаева)*

1

Крещение

Остров раскинулся между албанской и греческой береговой линией, как длинный изъеденный ржавчиной ятаган. Рукоятью ятагана является горная гряда, в основном голая, каменная, с торчащими скалами, куда любят наведываться синие каменные дрозды и сапсаны. Зато в долинах, обильно орошаемых ключами, бьющими из красных с золотым отливом скал, растут миндаль и грецкий орех, прохладная тень которых освежает не хуже воды в колодце, сплоченные батальоны кипарисов, напоминающих штыки, и смоковницы с посеребренными стволами и листьями величиной с поднос. Лезвие ятагана – зеленовато-серебристое стеганое одеяло огромных олив, некоторые из них, поговаривают, старше пятисот лет, и при этом каждая – уникально сутулая и скрюченная, ноздреватая наподобие пемзы. На острие меча находится городок Лефкими с его сверкающими до рези в глазах песчаными дюнами и большими соляными болотами, украшенными простирающимися на мили зарослями бамбука, который шуршит и поскрипывает и о чем-то перешептывается. А называется этот остров – Корфу.

В августе, когда мы туда приехали, он лежал бездыханный, изнеможенный от солнца в раскаленном павлиньем море под небом, поблекшим до кобальтового оттенка

под безжалостными лучами. Причины, по которым мы собрали вещи и покинули сумрачные берега Англии, были довольно туманными, но вращались они вокруг того, что мы устали от скучной провинциальной жизни и промозглого, малоприятного климата. И мы бежали на Корфу в надежде, что солнечная Греция излечит нас от безволия, ментального и физического, к коему нас привело столь долгое проживание в Англии. Вскоре после высадки на сушу мы приобрели нашу первую виллу и обзавелись первым другом среди местных жителей.

Этим другом стал Спиро, ходящий вразвалку бочкоподобный мужчина с огромными сильными ручищами и смуглой, словно из дубленой кожи, нахмуренной физиономией. Он разговаривал на сносном, хотя и диковатом английском, а ездил на стареньком «додже», который часто использовал в качестве такси. Быстро выяснилось, что Спиро, как и большинство жителей Корфу, человек неординарный. Казалось, он знает всех на свете, и нет ничего такого, чего бы он не мог достать или сделать для нас. Самые немыслимые просьбы нашего семейства он встречал словами: «Об этом не волноваться. Я все устроить». И ведь устраивал! Первым таким большим делом стало приобретение виллы – мать не соглашалась без ванной комнаты, а с этим необходимым условием здорового образа жизни на Корфу была напряженка. Но Спиро, само собой, знал о такой вилле, и мы довольно быстро – после бурных перепалок, отчаянной жестикуляции, а

также ведер пролитого пота, поскольку пришлось носиться туда-сюда со всем нашим несметным скарбом, – благополучно перебрались-таки на новое место под чутким руководством Спиро. С этого момента он перестал быть просто наемным таксистом и превратился в нашего гида, наставника и друга.

Вилла, которую нам подыскал Спиро, напоминала яркий кирпич цвета раздавленной спелой клубники, с зелеными ставнями. Она приютилась в оливковой роще, возвышавшейся, как кафедральный собор, и сбегавшей по склону к морю, а к вилле прилагался сад величиной с носовой платок (клумбы геометрически расчерчены на излюбленный викторианцами лад), обнесенный высокой живой изгородью фуксий, в которой таинственно шуршали птицы. Нас, приехавших после многолетних терзаний в холодной серой Англии, это щедрое солнце вместе с пестротой ландшафта и запахами, им порожденными, опьянило, как ударившее в голову вино.

Перемена подействовала на членов моей семьи по-разному. Ларри блуждал по комнатам в каком-то трансе и периодически зачитывал матери большие стихотворные пассажи, которые она либо пропускала мимо ушей, либо сопровождала отрешенным «Очень мило». Потрясенная разнообразием фруктов и овощей, она проводила почти все время на кухне, готовя изощренные восхитительные блюда. Марго, убежденная в том, что солнце, в отличие от пилюль и всяких зе-

лий, избавит ее от прыщей, жарилась под его лучами в оливковой роще с такой одержимостью, что вся обгорела. Лесли, узнав, что в Греции можно приобретать огнестрельное оружие без специального разрешения, частенько пропадал в городе и возвращался со всевозможными образцами охотничьего арсенала – от древнего турецкого дульнозарядного мушкета до револьверов и дробовиков. Каждое новое приобретение проверялось им в деле, поэтому нервы у нас были несколько расстроены; как с горечью заметил Ларри, такое ощущение, что наша вилла осаждена революционными войсками.

Запущенный сад представлял собой переплетение сорняков и дикорастущих цветов, где кружащие, пищание, шуршащие и скачущие насекомые устраивали настоящую карусель, от которой пестрело в глазах. Неудивительно, что он сразу меня покори́л.

Какими бы роскошными ни были сады в Англии, они не могли похвастаться таким разнообразием живых существ. А здесь возникало странное ощущение нереальности происходящего. Как будто ты только что родился. В этом слепящем переменчивом свете я, как настоящий охотник, мог оценить алую божью коровку, и великолепную шоколадно-янтарную уховертку, и сияющего темно-агатowego муравья. А затем порадовать глаз доселе неизвестными мне существами в несметных количествах: крупные мохнатые шмели-плотники, рыскающие от цветка к цветку, как игрушечные миш-

ки цвета электрик, что-то гудящие себе под нос; зеленовато-желтые с черными полосками бабочки-парусники, словно в элегантных, пошитых на заказ фраках, совершающие пируэты над живой изгородью фуксий, сходящиеся друг с дружкой в изящном менуэте; зависшие в воздухе бражники, дегустирующие цветочную пыльцу длинными деликатными хоботками.

Я был в высшей степени невежественным в отношении жизни этих существ, и мне негде было о них прочесть. Все, что мне оставалось, – это наблюдать за их деятельностью в саду или ловить их, с тем чтобы пристальнее изучать дома. Очень скоро моя спальня оказалась вся заставлена банками из-под варенья и коробками из-под печенья, в которых содержались трофеи из нашего крохотного сада. Их приходилось проносить тайком от семьи, поскольку домашние, за исключением разве что матери, относились к появлению фауны на нашей вилле с повышенной тревогой.

Каждый погожий денек эти существа озадачивали меня своим поведением, лишний раз подчеркивая мое невежество. Одним из тех, кто меня больше всего интриговал и выводил из себя, был навозный жук. Лежа на земле рядом с моим псом Роджером, похожим на пытящую горку из выющихся черных завитков, я наблюдал за тем, как два блестящих смоляных жука с носорожьими рогами вместе катят (с невероятным упорством) идеально круглый навозный комок. Для начала я хотел понять, как им удалось скатать та-

кой невероятно ровный шар. Я знал по собственному опыту с глиной и пластилином, что добиться этого жутко трудно, как бы ты ни мял и ни раскатывал материал, а эти навозные жуки, не располагая кронциркулем или еще каким-то инструментом, только собственными кривыми лапками умудрялись создавать шары округлые, как луна. И тут же возник второй вопрос. Зачем они его сделали и куда катят?

Эту проблему я решил однажды, по крайней мере отчасти, когда посвятил целое утро двум навозным жукам, игнорируя других насекомых, а также тихие стоны и зевки скучающего Роджера. Я медленно, вымученно следовал за ними на четвереньках, дюйм за дюймом, по нашему садику, для меня совсем маленькому, тогда как для жуков это был огромный мир. Наконец они добрались до земляного холмика возле живой изгороди фуксий. Вкатить навозный комок на вершину было монументальной задачей, несколько раз они оступались, и шар скатывался к подножию, а жуки кидались за ним, костеря друг друга в моем воображении. Но в результате они своего добились и покатали шар вниз по противоположному склону. У подножия холмика я впервые заметил нечто вроде колодца в земле – туда-то они и направлялись. Когда до него оставалась пара дюймов, один из жуков поспешил залезть в колодец задом и принялся отчаянно жестикулировать передними лапками, пока второй с невероятными усилиями (я, кажется, слышал, как он пыхтит) подкатывал шар к зияющему отверстию. После продолжительного тяни-тол-

кай шар медленно исчез в колоде, а вместе с ним и жуки. Я был сильно раздосадован. Они явно собирались употребить навозную кучу, но если они будут это делать под землей, то как я увижу результат? В надежде, что меня кто-нибудь просветит, я спросил за обедом: что делают навозные жуки с навозом? Мой вопрос вызвал легкое замешательство.

– Наверное, они его как-то используют, – несколько туманно высказалась мать.

– Я надеюсь, ты не собираешься тайно пронести их в дом? – спросил Ларри. – Я отказываюсь жить на вилле, где пол украшен кучами навоза.

– Ну что ты, дорогой, он так не поступит, – умиротворяюще, не веря в собственные слова, заверила его мать.

– Мое дело – предупредить, – сказал Ларри. – Сдается мне, что у него в спальне уже живут самые опасные насекомые из нашего сада.

– Вероятно, он им нужен для тепла, – подал голос Лесли, успевший обдумать мой вопрос. – Навоз – он теплый. Особые ферменты.

– Если нам понадобится центральное отопление, я буду иметь это в виду, – съязвил Ларри.

– А может, они его едят? – предположила Марго.

– Марго, дорогая, только не за обедом, – попросила мать. Как всегда, домашние, ничего не знающие о биологии, меня подвели.

– Тебе надо почитать Фабра, – сказал Ларри, рассеянно

накладывая еще одну тарелку рагу, о котором только что заметил матери, что в нем не хватает остроты.

Я из вежливости поинтересовался, что это или кто это. Поскольку предложение исходило от Ларри, я был уверен, что Фабр окажется каким-нибудь малоизвестным средневековым поэтом.

– Натуралист, – ответил он с набитым ртом, наставив на меня вилку. – Писал про насекомых и все такое. Я попробую раздобыть для тебя экземпляр.

Потрясенный таким великодушием со стороны старшего брата, я постарался в ближайшие дни вести себя тише воды ниже травы, чтобы не вызвать его гнев, но время шло, книга не приходила, и в конце концов я про нее забыл и посвятил себя другим насекомым в нашем саду.

Но вопросы преследовали меня и не давали мне покоя на каждом шагу. Почему шмели-плотники вырезают кругляшки из листьев розы и улетают с ними? Почему муравьи устраивают что-то вроде страстных баталий с полчищем зеленых мушек, облюбовавших в нашем саду разные растения? Что это за странные янтарно-прозрачные тела, похожие на трупы насекомых или панцири, прилипли к стеблям травы и стволам олив? Одна оболочка, хрупкая как зола, оставшаяся от некоего существа с луковичным телом, выпуклыми глазами и парой толстеньких колючих передних лапок. Почему у всех панцирей трещинка на спине? Что это, следствие нападения и высосанных жизненных соков? А если так, то кто были эти

нападавшие? В голове моей, как в котле, варились десятки вопросов, на которые моя семья не могла дать ответы.

Как-то утром к нам приехал Спиро, когда я на кухне показывал матери мое последнее приобретение, длинную и тонкую карамельного цвета сороконожку, которая, доказывая я, светится ночью, а мать отказывалась мне верить. Спиро ввалился, обливаясь потом и, как всегда, свирепый и озабоченный.

– Я привозить ваши письма, миссис Даррелл, – обратился он к матери и, взглянув на меня, добавил: – Доброе утро, господин Джерри.

По своей невинности полагая, что он одобрит мое новое сокровище, я сунул ему под нос банку из-под варенья и попросил заглянуть внутрь. Он бросил короткий взгляд на дно, где сороконожка нарезала круги, как заводной игрушечный поезд, выронил на пол всю корреспонденцию и спешно ретировался за кухонный стол.

– Господь правый! – вскричал он. – Зачем вы *это*?

Удивленный такой реакцией, я сказал, что это всего лишь сороконожка.

– Ядовитые тварь, – объяснил он матери. – Мистер Джерри не должен такие иметь.

– Возможно, – выразилась она расплывчато. – Но такие уж у него интересы. Дорогой, вынеси ее в сад, подальше от Спиро.

– Он меня пугать, – услышал я, покидая кухню с драго-

ценной банкой. — Клянусь Господь, миссис Даррелл, он приносит такое, что меня пугать.

Мне удалось пронести банку в свою спальню, так что никто из домашних этого не видел. Я переложил сороконожку в блюдо, которое изящно украсил мхом и кусочками коры. Я твердо решил, что заставлю семью оценить фосфоресцирующее чудо: после ужина устрою для них пиротехническое представление. Но вышло так, что все это напрочь вылетело у меня из головы, поскольку вместе с прочей корреспонденцией пришла внушительная бандероль в коричневой оберточной бумаге, и прямо за ужином Ларри, бросив на наклейку беглый взгляд, кинул бандероль мне.

— Фабр, — сказал он односложно.

Забыв про еду, я разорвал обертку, и обнаружилась основательная зеленая книга под названием «Священный жук и другие», автор Жан Анри Фабр. Я раскрыл ее и захлебнулся от восторга: с фронтисписа на меня смотрели два навозных жука, настолько узнаваемые, что они могли быть близкими родственниками недавней парочки. Они катили великолепный шар из навоза. Восхищенный, наслаждаясь каждым мгновением, я медленно переворачивал страницы. Прелестный текст. Никакой зауми или витиеватостей. Написано так просто и ясно, что даже мне все понятно.

— Дорогой, отложи книгу, будь добр, — попросила мать. — Съешь обед, пока он не остыл.

Я неохотно положил книгу на колени и набросился на еду

с такой скоростью и самозабвением, что потом до вечера страдал от несварения желудка. Что ни в коей мере не помещало мне погрузиться в мир Фабра. Пока у домашних была сиеста, я, лежа в тени мандаринового дерева, глотал книгу, страницу за страницей, и к началу чаепития – какая досада! – ее прикончил. Полный восторг. Теперь я был вооружен необходимыми знаниями. По-моему, я выяснил все про навозных жуков. Это были уже не таинственные насекомые, задумчиво ползающие в оливковой роще, а мои закадычные друзья.

Примерно в это же время произошло еще одно событие, которое расширило и поощрило мой интерес к природоведению (хотя в тот момент, признаюсь, я этого не оценил), – появление моего первого репетитора Джорджа. Приятель Ларри, высокий, худощавый, с каштановой бородкой, в очках, он обладал ненавязчивым, но язвительным чувством юмора. Вероятно, ни одному репетитору еще не приходилось иметь дело с таким сопротивлением. Я не видел никакого смысла в изучении чего-либо, не имеющего отношения к природоведению, и поэтому наши первые уроки проходили с большим скрипом. Но потом Джордж понял, что, соединив историю, географию и математику с зоологией, можно добиться результата, и наметился определенный прогресс. И все же лучшим я считал один день в неделю, целиком посвященный естествознанию, когда мы с Джорджем всерьез изучали моих новых знакомцев, с тем чтобы их идентифицировать

и проследить их биографию. Я добросовестно вел дневник с яркими, пусть и не слишком убедительными картинками моих приобретений, сделанными цветными чернилами и акварельными красками.

Вспоминая то время, я подозреваю, что от наших занятий естествознанием Джордж получал не меньше удовольствия, чем я. Это было единственное утро на неделе, когда мы с Роджером отправлялись Джорджу навстречу. На полдороге через оливковые рощи мы прятались среди миртов и поджидали его. И вскоре он появлялся в выцветших шортах, сандалиях и огромной потертой соломенной шляпе, с кипой книг под мышкой, выбрасывая перед собой изящную длинную трость. Должен признаться, что цель, которую мы преследовали, была сугубо корыстная. Затаившись в кустах с их сладким дурманом, мы с Роджером делали ставки: станет ли сегодня Джордж фехтовать с оливой?

Джордж был опытным фехтовальщиком, что доказывали его многочисленные кубки и медали, поэтому его частенько охватывало желание с кем-нибудь схлестнуться. Например, он шел по тропинке, поблескивая стеклами очков и размахивая тростью, и вдруг какое-то оливковое дерево проявляло свою зловредную суть, а посему его следовало проучить. Положив книжки и шляпу на обочине, он крадучись приближался к дереву: в правой руке трость, превратившаяся в шпагу, готовую к бою, а левая рука элегантно отставлена назад. С прищуром глядя на оливу, он медленно обходил ее на

пружинистых ногах, как терьер осторожно обходит мастифа, в любую секунду ожидая нападения. Тут Джордж делал выпад, конец трости исчезал в одном из многочисленных дупел, а сам он издавал торжествующее «ха!» и тут же отскакивал, прежде чем дерево успевало нанести ответный укол. Я заметил, что если его шпага входила в маленькое дупло, то рана не считалась смертельной, так, легкая царапина, только возбуждавшая противника, и дальше он уже отчаянно сражался за свою жизнь, всюю пританцовывая, нападая и отбиваясь, отскакивая с резким движением шпаги вниз, уклоняясь от страшного выпада оливы, причем так быстро, что я не успевал отследить. Некоторые деревья он приканчивал почти сразу смертельным уколом в большое дупло, где его шпага исчезала по самую рукоять, однако, случалось, он наталкивался на такого аса, что дело растягивалось минут на пятнадцать, схватка не на жизнь, а на смерть, когда приходилось, закусив губу, пускать в ход все известные ему хитрости, чтобы пробить защиту дерева-великана и все-таки его сразить. Прикончив своего противника, Джордж тщательно протирал окровавленную шпагу, надевал шляпу, подбирал книжки и шел себе дальше, что-то напевая под нос. Я отпускал его на приличное расстояние, прежде чем к нему присоединиться, а то еще догадается, что я подсматривал за его воображаемой битвой, и смутится.

Джордж познакомил меня с человеком, сразу занявшим важнейшее место в моей жизни, – доктором Теодором Сте-

фанидесом. Это был совершенно удивительный человек (и сегодня, спустя тридцать три года, я держусь того же мнения). Теодор с его пепельными волосами, бородкой и орлиным профилем казался греческим богом, и уж всеведущим он был точно. Помимо медицинской квалификации, он был биологом (в первую очередь его интересовала пресноводная жизнь), поэтом, писателем, переводчиком, астрономом и историком, и между всеми этими разнообразными занятиями он еще находил время руководить рентгеновской лабораторией, единственной в своем роде в городе Корфу. Мы познакомились, когда у меня возникли вопросы по поводу паука-каменщика, которого я тогда для себя открыл, и он поведал мне столько удивительного про этих существ и при этом так деликатно, с таким смущением, что я был очарован не только информацией, но и самим Теодором, ибо он обходился со мной как со взрослым.

После нашей первой встречи я был уверен, что больше мы не увидимся, поскольку у человека таких знаний и такой известности просто не найдется времени для десятилетнего мальчишки. Но уже на следующий день я получил от него в подарок карманный микроскоп и приглашение выпить с ним чаю в его городской квартире. Тут уж я завалил его неудержимыми вопросами и, затаив дыхание, переворачивал его огромную библиотеку и часами разглядывал в сияющие раструбы микроскопа необыкновенных и прекрасных подводных обитателей, которых Теодор, как волшебник, из-

влекал из любого, самого невзрачного и грязного резервуара. После первого своего визита я осторожно спросил мать, нельзя ли пригласить Теодора к нам на чай.

— Почему же нет, дорогой, — сказала она. — Я надеюсь, он говорит по-английски?

Битву с греческим языком моя мать проиграла. Буквально накануне визита Теодора она все утро колдовала над каким-то несравненным супом на обед, а когда добилась желаемого результата, перелила его в супницу и протянула служанке. Та подняла на нее вопросительный взгляд, и мать произнесла одно из немногих греческих слов, которые сумела запомнить. «*Ехо*», — сказала она твердым голосом, махнув рукой. И для ясности повторила: «*Ехо*». Она продолжила готовку и отвлеклась как раз в ту секунду, когда служанка выливали остаток супа в раковину. Этот случай, что неудивительно, породил у нее фобию к изучению иностранного языка.

Я с негодованием ответил, что Теодор великолепно говорит по-английски — лучше нас, если на то пошло. Успокоенная этим, мать предложила мне послать ему приглашение на следующий четверг. Я провел в саду мучительные два часа в ожидании его прихода, поглядывая каждые две минуты сквозь живую изгородь фуксий. Меня раздирали ужасные сомнения. Может, моя записка до него не дошла. Или он засунул ее в карман и про нее забыл и сейчас с ученым видом прогуливается по южному мысу. Или он узнал о нашей се-

мье что-то такое и не захотел приехать. Если так, то я ему этого никогда не прощу. И тут я его увидел. В безукоризненном твидовом костюме и мягкой фетровой шляпе он шагал среди олив, вскидывая трость и что-то тихо напевая. Через плечо была перекинута полевая сумка – такая же неотъемлемая его часть, как руки и ноги, поскольку он с ней никогда не расставался.

На мое счастье, Теодор имел у всей семьи мгновенный и оглушительный успех. Он мог с застенчивой учтивостью обсуждать мифологию, греческую поэзию и историю Венеции с Ларри, баллистику и самые лучшие охотничьи уголья на острове – с Лесли, эффективные диеты и средства для выведения прыщиков – с Марго, крестьянские рецепты и детективные романы – с матерью. Моя семья реагировала на него примерно так же, как реагировал я во время наших с ним чаепитий. Они засыпали этот кладезь знаний бесчисленными вопросами, и Теодор с легкостью ходячей энциклопедии давал ответы, приправляя их на редкость неудачными каламбурами и невероятно смешными анекдотами из жизни островитян.

Однажды, к моему негодованию, Ларри заявил, что Теодору не следовало бы поощрять мой интерес к естествознанию, поскольку, как он выразился, наша небольшая вилла и так переполнена самыми отвратительными насекомыми и жуками, которые только можно было найти в округе.

– Лично меня другое волнует, – сказала мать. – Объясните

мне, Теодор, где он находит столько грязи? После их с Роджером изысканий ему приходится менять всю одежду. Где он умудряется так изгваздаться?

Теодор в ответ хмыкнул.

— Помнится, как-то раз я ехал на чай к... мм... моим друзьям в Пераме. — Он отправил в рот кусок пирога и стал методично жевать, при этом его бородака щетинилась, а глаза радостно поблескивали. — Я тогда служил в армии и весьма гордился тем, что меня произвели в капитаны. И вот... э-э... чтобы похвастаться, я облачился в новенький мундир и натянул изумительно отполированные сапоги со шпорами. Я приехал на пароме и вот, проходя через заболоченное место, вдруг вижу незнакомое мне растение. Я остановился, чтобы его сорвать. Мне казалось, что у меня твердая почва под ногами... и через секунду я провалился до самых подмышек в дурно пахнущую трясины. К счастью, рядом росло деревце, и я сумел... э-э... ухватившись за него, как-то выбраться. Я был весь облеплен черной грязью. Но поблизости... э-э... было море, и я решил, что... мм... лучше уж прийти в гости мокрым, но чистым. В общем, я вошел в воду по пояс. В это время мимо проезжал автобус, и, когда меня увидели расхаживающим вдоль берега в кителе и фуражке, водитель остановился, чтобы пассажиры смогли... э-э... полюбоваться таким зрелищем. Похоже, все были изрядно озадачены. Когда же я вышел на берег в сапогах со шпорами, народ просто разинул рты.

Теодор, сохраняя серьезное лицо, подождал, пока уляжется смех.

— Кажется, — произнес он задумчиво и все так же серьезно, — я подорвал их веру в психическое здоровье армии.

Мое семейство было от Теодора в полном восторге, и в дальнейшем он проводил у нас по крайней мере один день в неделю, а то и больше, если удавалось его отвлечь от всевозможных дел.

Вскоре мы подружились со многими крестьянскими семьями в округе, настолько радушными, что даже короткий променад растягивался до бесконечности, поскольку в каждом доме надо было посидеть-поболтать с хозяевами, пропустить с ними стаканчик вина или съесть фрукты. Нам это косвенным образом только шло на пользу, так как наш слабоватый греческий постепенно укреплялся, и скоро мы уже могли поддерживать довольно сложные беседы с нашими новыми друзьями.

Они сопровождались восторженными похвалами, которые лишний раз доказывали, что мы приняты в местную семью. Нас пригласили на свадьбу Катерины, сестры нашей служанки Марии. Невеста была пышной девушкой с ослепительной улыбкой и большими карими глазами, нежными, словно анютины глазки. Веселая, игривая, заливиная, как соловей, она в свои двадцать лет успела разбить много мужских сердец. И вот она остановила свой выбор на Стефаносе, красивом крепыше, который при виде Катерины лишился

дара речи и только краснел от любви.

Как вскоре выяснилось, местная свадьба – это вам не хухры-мухры. Все начиналось с помолвки, когда гости приходили в дом невесты с подарками, а она их любезно благодарила и не жалела вина. Ублажив гостей, невеста с женихом отправлялись в свой будущий дом под предводительством местного оркестра (две скрипки, флейта и гитара), наигрывавшего развеселые мелодии, а за ним шли гости с подношениями. Среди подарков для Катерины чего только не было! Возглавляла процессию широченная медная кровать, которую несли четверо друзей Стефаноса. Далее следовали гости с комплектами постельного белья, подушками, деревянным стулом, сковородками, бутылками с растительным маслом и прочей домашней утварью. Обустроив новый дом, мы крепко выпили за здоровье новобрачных и тем самым согрели их будущее жилище. После чего вернулись домой с несколько вскруженными головами, и теперь нас ждал следующий акт драмы – сама свадьба.

Мы робко поинтересовались, нельзя ли нам захватить с собой на свадьбу и Теодора. Невеста и ее родители пришли в восторг от этой идеи и бесхитростно признались, что редкая из местных свадеб может похвастаться тем, что ее посетила в полном составе английская семья, да еще настоящий врач.

И вот наступил большой день, мы все приоделись и, забрав из города Теодора, отправились к родителям Катерины, чей дом стоял среди олив с видом на искрящееся море.

Здесь должна была пройти церемония бракосочетания. Он напоминал растревоженный улей. Некоторые родственники из дальних деревень проехали на ослах до десяти миль. Вокруг дома, рассевшись группками, древние старики и убогие старушки сплетничали с оживленностью болтливых сорок, при этом поглощая вино в больших количествах. Для них это был великий день, и не только по причине свадьбы – притом что жили они в пределах десятка миль, возможно, впервые за двадцать лет им представился случай обменяться новостями и посплетничать. Деревенский оркестрик раздухарился: ныли скрипки, наяживала гитара, а флейта то и дело поскуливала, как брошенный щенок. Под эту музыку молодежь пританцовывала под деревьями, а неподалеку на вертелах жарились четыре тушки ягнят, истекая жиром на угли полыхающего костра – такую ослепительно-красную хризантему.

– Ага! – У Теодора в глазах вспыхнул живой интерес. – Это наш местный танец. И движения, и музыка... э-э... зародились на Корфу. Некоторые специалисты полагают, что этот танец... точнее сказать, па... пришли к нам с Крита, но лично я считаю, что это... мм... наше изобретение.

Девушки, в своих ярких костюмах похожие на щеглов, красиво кружились, встав полукругом, а перед ними гарцевал темнолицый парень с малиновым платочком, взбрыкивал, подпрыгивал, вращался и кивал, как разгулявшийся петушок перед восхищенными курочками. Катерина и ее семья вышли нас встретить и проводили за стол для почетных го-

стей, шаткий, покрытый белой скатертью, за которым уже сидел величественный старик-священник, готовый совершить обряд. Он был огромный, как кит, с такими роскошными белоснежными бровями, с такими густыми усами и бородой, что среди них можно было разглядеть разве что поблескивающие, как две черные маслины, глаза да выпирающий винно-красный носище. Услышав, что Теодор врач, священник чистосердечно описал, не скупясь на подробности, симптомы всех своих разнообразных болезней (которыми Господь посчитал нужным его наградить) и разразился оглушительным смехом, когда Теодор поставил наивный диагноз, что ему станет легче, если он будет пить меньше вина и делать больше физических упражнений.

Ларри разглядывал Катерину, присоединившуюся к танцующим. Из обтягивающего белого подвенечного платья сильно выпирал животик.

– А свадьба-то запоздала, – сказал он.

– Дорогой, тише, – зашипела мать. – Кое-кто может понимать английский.

– Любопытно, – заговорил Теодор, явно пропустив мимо ушей материнское предупреждение, – но на здешних свадьбах можно часто увидеть невесту в подобном... э-э... положении. Местные крестьяне отличаются старорежимными взглядами. Если молодой человек всерьез... э-э... ухаживает за девушкой, никому даже в голову не придет, что он на ней не женится. Если же он надумает... мм... сбежать, обе

семьи сделают все, чтобы его вернуть. Это приводит к ситуации, когда дружки ухажера начинают его... э-э... подначивать... как бы сомневаясь в его... мм... мужской доблести... ну, то есть... как будущего отца. Они загоняют его в такую ситуацию, когда ему ничего не остается, кроме как... э-э... доказать свою... мм... силу.

– Очень это неразумно, – отозвалась мать.

– Нет-нет. – Теодор отважился поправить ее ненаучный подход к проблеме. – Беременность невесты считается *хорошим* знаком. Это доказывает ее... мм... плодовитость.

Но вот священник внес свое грузное тело на подагрических ногах в гостиную, подготовленную для церемонии. Развеселые, балагурящие парни буквально втолкнули в дом мокрого от пота жениха в тесноватом костюме, слегка ошалевшего от обрушившейся на него удачи, а визгливые, не закрывающие рот девушки проделали то же самое с Катериной.

Гостиная была совсем крохотная, и когда в нее загрузился священник со всеми атрибутами, там едва хватило места для молодоженов. Остальные могли только посматривать в дверной проем или через окна. Нам эта служба показалась невероятно долгой и непонятной, хотя я мог слышать, как Теодор переводил для Ларри отдельные фразы. На мой взгляд, там было достаточно ненужных распевов, а еще многократное осенение крестом и обрызгивание святой водой. Потом над головами Катерины и Стефаноса вознесли цветочные венцы,

как два одинаковых нимба, и, пока священник продолжал что-то распевать, эти нимбы периодически менялись местами. Так как люди, державшие эти венцы, давно не практиковались, время от времени они неправильно истолковывали указания священника, и тогда венцы сталкивались над головами новобрачных, но, в конце концов, молодые обменялись обручальными кольцами и надели их на мозолистые пальцы. Всё, Катерина и Стефанос стали мужем и женой – безоговорочно, как нам хотелось верить.

Во время бракосочетания тишину прерывали только кудаханье курицы спросонок или выкрик младенца, тут же успокоенного. Но стоило торжественной церемонии закончиться, как веселье вспыхнуло с новой силой. Оркестрик вспомнил свой репертуар, с каждой минутой становившийся все разгульнее. Смех и грубоватое подтрунивание слышались со всех сторон. Из бутылок с бульканьем лилось вино, а гости, раскрасневшиеся и счастливые, отплясывали один танец за другим, неостановимые, как стрелки часов.

Гулянка закончилась далеко за полночь. Гости постарше первыми разъехались по домам на поникших осликах. От полыхающих костров с нависшими над ними овечьими тушами остались лишь кучи пепла да вспыхивающие в нем гранатовые угольки. Мы выпили с новобрачными по последнему бокалу и, сонные, отправились на свою виллу через оливковые рощи, посеребренные луной, огромной и белой, как цветок магнолии. Совы-сплюшки скорбно перекликались,

иногда мимо пролетал изумрудный светлячок. В теплом воздухе пахло солнечным светом прошедшего дня, росой и листьями. Размягченные и одурманенные вином, среди старых сутулых олив, исполосованных прохладными лунными лучами, кажется, мы все почувствовали одно: мы действительно дома, этот остров принял нас за своих. Под присмотром безмятежно-ласкового лунного ока нас окрестили корфиотами. Завтра, после чудной ночи, наступит очередной золотистый, словно тигр, денек. Англии как будто никогда не существовало.

Оливковая бухта

Спустившись от нашей виллы с холма через оливковую рощу, ты в конце концов выходил на дорогу, покрытую густой и мягкой, как шелк, белой пылью. Примерно через полмили дорога выводила на козью тропу, а та по крутому склону, мимо все тех же олив, вела к небольшой бухте в виде полумесяца, отороченной белоснежным песком и кучами высохшей посидонии, выброшенной на берег зимними штормами и образовавшей подобия неуклюжих птичьих гнезд. Два рукава бухты состояли из мелких скал, между которыми образовались бесчисленные заводи, где искрилась и блистала морская жизнь.

Как только Джордж осознал, что ежеутреннее заточение в четырех стенах лишь мешает мне сосредоточиться, он произвел революцию в педагогике – изобрел «уроки на природе». И вот песчаный пляж обернулся пустыней, выжженной солнцем, а груды водорослей – непроходимыми джунглями, и с помощью краба или рачка-бокоплава, нехотя выступающего в роли Кортеса или Марко Поло, мы прилежно обследовали всю бухту. Уроки географии в этих обстоятельствах привлекали меня чрезвычайно. Однажды мы решили соорудить карту мира прямо на берегу, рядом с настоящим морем. Задача была не из простых – поди найди камни, похожие на

Африку, или Индию, или Южную Америку, и порой приходилось соединять несколько камней для получения правильных очертаний континента. Ну и конечно, когда ты осторожно поднимал какой-то булыжник, под ним обнаруживалась морская жизнь, которая минут на пятнадцать приковывала к себе наше внимание, пока Джордж не спохватывался, что мы как-то забыли про карту.

Эта бухта стала одним из моих самых посещаемых мест, и чуть не каждый день, пока мое семейство проводило сие-сту, мы с Роджером спускались через бездыханную оливковую рощу, оживляемую только криком цикад, а дальше топали по дороге, и Роджер вовсю чихал от поднятой пыли, не хуже чем кто-нибудь от щепотки нюхательного табака. Добравшись до бухты с водой, такой неподвижной и прозрачной под полуденным солнцем, что ее словно и не было, мы немного плавали на мелководье, а затем расходились каждый по своим интересам.

В случае Роджера это были отчаянные попытки поймать какую-нибудь рыбешку из тех, что сновали и подрагивали на мели. О чем-то бормоча, он неспешно перешагивал в воде, уши подняты, а взгляд опущен. Неожиданно его морда исчезала под водой, и щелкали челюсти, после чего над поверхностью снова появлялась голова, он громко чихал и отряхивался, а бычок или морская собачка, отплыв на полдюжины футов, поглядывал на него, надув губки и игриво помахивая хвостиком.

Для меня же эта бухточка кишела такой жизнью, что я даже не знал, с чего начать. По камням вились меловые трубки кольчатых червей, напоминавшие сложные кремовые завитушки на торте, а морское дно, если зайти поглубже, украшали этакие миниатюрные прорезиненные шланги. Стоило немного подождать, и из них вдруг вылезали радужные щупальца, синие, красные, коричневые, которые медленно крутились туда-сюда. Щетинконогие черви – не самое привлекательное название для таких красавцев. Иногда они попадались скоплениями, напоминая клумбу с шевелящимися цветами. Подбираться к ним следовало с большими предосторожностями: чуть быстрее шагнул – и, извещенные приливной волной о твоём приближении, они сжимались в пучок и с невероятной скоростью ныряли обратно в трубку.

Здесь и там на песчаном дне росла характерным полукругом черная блестящая посидония, напоминая притороченные боа из перьев, а среди них обнаруживались морские иглы с головами, как у морских коньков, на длинном стройном теле. Они дрейфовали в вертикальном положении и были до того похожи на водоросли, что их далеко не сразу удавалось различить.

У берега, под камнями, прятались крабики, а также актиния обыкновенная, напоминавшая подушечку для иголок, украшенную алыми и голубыми самоцветами, и бороздчатая анемония, чьи кофейного цвета стебли с длинными корчащимися щупальцами создавали ожившую копну волос, ка-

ковой позавидовала бы горгона Медуза. Каждый морской камень был инкрустирован розовыми, белыми или зелеными кораллами и увенчан этакой чашей из мелких водорослей с вкраплением изящного кустика *acetabularia mediterranea* – нитевидных стебельков, и на каждом что-то вроде зеленого зонтика, вывернутого наизнанку подводным ветерком. Порой на камне красовалась черной накидкой морская губка с тянущимися разинутыми устьями, похожими на миниатюрные вулканы. Отлепив губку от камня, ее можно было разрезать лезвием бритвы, и внутри иногда обнаруживались прелюбопытные формы жизни, но в отместку губка обдавала твои руки слизью с мерзким запахом прогорклого чеснока, которую потом приходилось отмывать часами.

На берегу и в заводях я находил новые ракушки для своей коллекции, а привлекали они меня не только красотой, но и удивительно образными названиями. Так, заостренную ракушку, похожую на береговую улитку с растянутыми губами, этакой цепочкой из перепончатых пальцев, к моему несказанному восторгу, местные окрестили «пеликановой лапкой». А белая округлая, похожая на блюдечко, с конической верхушкой раковина прослыла «китайской шляпой». Были странные, напоминающие коробку, раковины-арки, которые, если разъять боковины, действительно (при небольшом воображении) являли взору подобие арочек. Были раковины-башни, перекрученные и заостренные, как рог нарвала, и раковины-шатры с зигзагообразным веселым узором

– аленьким, черненьким, синеньким. Под большими камнями обнаруживались раковины-замки, у которых на макушке, как следовало из названия, было необычное отверстие в виде замочной скважины, через которое дышал моллюск. Но лучшей находкой, если повезет, было морское ушко, сплющенное, серовато-чешуйчатое, с рядом дырочек на одном боку; а если эту ракушку перевернуть и вычистить ее обитателя, то увидишь внутреннюю сторону, переливающуюся матовыми закатными красками, – красота волшебная. В то время у меня еще не было аквариума, поэтому в уголке бухты я выложил камнями заводь, восемь футов на четыре, куда выпускал пойманных морских существ. Так я почти наверняка знал, где их на следующий день найду.

В этой бухте я поймал своего первого краба-паука. Я бы прошел мимо, приняв его за камешек в водорослях, если бы он вдруг не сделал неосторожного движения. Размером и формой он напоминал маленькую плоскую грушу с шипами на заостренном конце и подобием двух рожек над глазами. Ноги и клешни у него были изящные – длинные и тонкие. Но больше всего меня заинтриговали его спина и ноги, сплошь обернутые крошечными водорослями, как будто выраставшими из панциря. Зачарованный этим необыкновенным существом, я как победитель перенес его в свою заводь. Из-за моей крепкой хватки (он предпринял отчаянную попытку улизнуть, как только понял, что в нем распознали краба) большая часть водорослей по дороге облезла. Поместив его

на прозрачное мелководе, я лег на живот и стал смотреть, что он станет делать. Встав во весь рост, как это делает паникующий паук, он отбежал от меня на фут и замер. Так он сидел бесконечно долго, я уже решил, что он просидит, неподвижный, все утро, приходя в себя от шока, но тут он протянул свою длинную изящную клешню и очень осторожно, даже как-то робко оторвал клочок водоросли с ближайшего камня, засунул в рот и заработал челюстями. Сначала я подумал, что он ее ест, но вскоре понял, что ошибся: с угловатой грациозностью он завел клешню за спину и, предварительно пошарив, пристроил водоросли на свой щиток. Я сообразил: краб предварительно смачивал клочок слюной, чтобы тот как следует приклеился. Медленно ковыляя по заводи, он собирал водоросли с прилежностью профессионального ботаника, попавшего в дикие джунгли. И через час его спину покрывала такая густая поросль, что если бы он замер, а я на секунду отвлекся, то вряд ли бы мне удалось снова его обнаружить.

Заинтригованный столь хитроумным камуфляжем, я основательно прочесал бухту, пока не нашел еще одного краба-паука. Для него я построил особый водоемчик с песчаным дном, напрочь лишенным растительности. Он остался им вполне доволен. Наутро я вернулся с щеточкой для ногтей (позже, к несчастью, выяснилось, что она принадлежала Ларри) и с ее помощью отскреб беднягу краба так, что на его панцире и ногах не осталось ни грамма водорослей. После

чего я побросал в водоем морских улиток и обломки кораллов, актиний и осколки бутылочного стекла, отполированные морем так, что они казались матовым жемчугом. Я сел и стал наблюдать.

Возвращенный в водоем, краб несколько минут сидел неподвижно, явно приходя в себя после унижительной головомойки. Потом, словно до конца не веря в постигшее его несчастье, он завел клешни назад и осторожно ощупал спину, видимо, в отчаянной надежде, что там остались хоть какие-то кустики. Но я хорошо постарался, и его спина сияла голизной. Сделав пару неуверенных шажков, он присел и полчаса предавался унынию. Потом, преодолев хандру, заставил себя встать, приковылял к краю водоема и попытался укрыться под камнем. Там он горестно размышлял о потере камуфляжа как минимум до тех пор, пока мне не пришлось уйти домой.

Вернулся я рано утром, и – о радость! – краб, оказывается, не терял времени даром. Он весьма изобретательно украсил панцирь тем, что я ему оставил. Вид у него был развеселый, если не сказать карнавальный. Полосатые ракушки чередовались с обломками кораллов, а две актинии на голове напоминали модную шляпку с лентами. Глядя на него, ползущего по песку, я подумал, какой же он стал теперь заметный, но вот что интересно: стоило ему только подлезть под свой любимый нависающий камень, как он вдруг превратился в груду ракушек и кораллов, увенчанную актиниями.

Слева от бухточки, в четверти мили от берега, находился остров Пондиконисси, или Мышиный остров, напоминающий равнобедренный треугольник. Старые густые кипарисы и олеандры охраняли белоснежную церквушку и примыкающий к ней крошечный домишко. Здесь проживал пожилой и на редкость вредный монах в черной рясе и клобуке, чей смысл жизни, похоже, заключался в том, чтобы периодически звонить в колокол в этом игрушечном храме, а по вечерам садиться в лодку и грести на соседний мыс, где в скиту жили три древние монашки. Там он выпивал рюмку узо и чашку кофе и, обсудив, по-видимому, грехопадение в современном мире, на закате, превращавшем морскую гладь в переливчатый шелк, уплывал обратно на своей скрипучей подтекающей лодке, в которой смотрелся как нахохлившийся черный ворон.

Марго, убедившись, что от постоянного поджаривания на солнце у нее только больше высыпает прыщей, перешла на другое лечебное средство матери-природы – морские купания. Она вставала в полшестого, будила меня, и мы вместе, спустившись к пляжу, бросались в чистейшую морскую воду, еще прохладную под приглядом Луны, и беззаботно отправлялись вплавь к острову Пондиконисси. Там Марго растягивалась на скале, а я шатался в свое удовольствие по окрестным заводям. Увы, наши посещения оказывали пагубное воздействие на монаха: стоило только Марго высадиться на берег и эффектно разлечься, как он с громким топотом

скатывался по каменным ступеням церкви и, грозя нахалке кулаком, выкрикивал по-гречески что-то нечленораздельное из недр своей окладистой неухоженной бороды. Марго отвечала ему лучезарной улыбкой и радостно махала рукой, что доводило его до почти апоплексической ярости. Он метался туда-сюда, шурша черной сутаной и показывая грязным дрожащим пальцем то на небеса, то на нее, грешницу. Это повторилось несколько раз, и я даже сумел запомнить излюбленные словечки монаха, чей словарный запас не отличался разнообразием. Позже я спросил моего друга Филемона, что они значат. С ним случилась истерика. Он так хохотал, что долго не мог ничего толком объяснить, но в конце концов я понял, что монах осыпал Марго отборной бранью, причем самым невинным выражением было «белая ведьма».

Когда я рассказал об этом матери, она, к моему удивлению, была невероятно возмущена.

– Мы должны доложить об этом его начальству, – сказала она. – В англиканской церкви такое было бы невозможно.

Однако со временем это превратилось в своего рода игру. Мы привозили ему сигареты, и сначала монах сбегал к нам, потрясая кулаком и грозя карой Господней, но затем, выполнив свой долг, поддергивал рясу, усаживался на приступку и добродушно выкуривал сигаретку. Иногда он даже возвращался в церковь и выносил нам пригоршню фиников со своего дерева или молодые, молочные на вкус миндальные орехи, которые мы кололи на пляже с помощью гладких камней.

Между Пондиконисси и моей любимой бухтой протянулась полоса подводных рифов. В основном плоских, размером со столешницу или с миниатюрный садик. Они практически подступали к морской поверхности, и когда ты на них забирался, издалека должно было казаться, что ты идешь по воде. Я давно мечтал обследовать эти рифы с их богатой морской жизнью, какую не найдешь в мелкой бухте. Но трудность состояла в том, что туда не доставишь необходимое снаряжение. Я попробовал доплыть до рифа с двумя большими банками из-под варенья на концах веревки, обмотанной вокруг шеи, и сачком в одной руке, но на полпути банки неожиданно и злонамеренно наполнились водой и потянули меня на дно. Я потратил несколько секунд на то, чтобы освободиться от груза, и всплыл на поверхность, молотя руками и глотая ртом воздух, а к тому времени мои банки уже поблескивали стеклянными боками на дне морском, такие же недостижимые, как если бы они были на Луне.

Однажды в жаркий день я переворачивал в бухте подводные камни в попытке обнаружить немертин – пестрых лентовидных червей, обычно выбиравших себе подобное пристанище. Я был так поглощен этим занятием, что нос гребной лодки с шорохом и скрипом въехал в песок рядом со мной, а я даже не сразу отреагировал. На корме стоял с одним веслом, которым он, как все рыбаки, орудовал в воде не хуже, чем рыба хвостом, молодой мужчина, почти черный от солнца. У него были темные выующиеся волосы, ясные глаза,

как две черные ежевики, и ослепительно-белые зубы, особенно выделявшиеся на смуглом лице.

— *Yasu*, — сказал он. — Твое здоровье.

Я ответил на его приветствие, а он ловко спрыгнул на берег с маленьким ржавым якорем, который основательно воткнул в песок позади двуспального ложа из высыхающих водорослей. На рыбачке были сильно потрепанная майка и брюки, некогда синие, а сейчас выбеленные солнцем. Он подошел, по-компанейски присел рядом на корточки и достал из кармана жестянку с табаком и бумагой для самокруток.

— Жарко сегодня, — сказал он с недовольной гримасой, и его мозолистые пальцы скрутили сигаретку с необыкновенной ловкостью. Он вставил ее в рот, зажег с помощью большой дешевой зажигалки и после глубокой затяжки вздохнул. — Ты один из новеньких, что поселились на холме? — спросил он, подняв бровь и глядя на меня своими ясными, как у малиновки, глазами.

К этому времени я уже неплохо болтал по-гречески и подтвердил, что да, я один из новеньких.

— А другие, на вилле? — поинтересовался он. — Они кто?

Я довольно быстро уразумел, что каждый корфиот, особенно из крестьян, жаждет все про тебя узнать и в ответ готов выложить тебе всю свою подноготную. Я пояснил, что на вилле живут моя мать, два брата и сестра. Он глубокомысленно покивал, словно это была ценнейшая информация.

— А твой отец? — продолжил он допрос. — Он где?

Я сказал, что мой отец умер.

– Бедняга, – поспешил он выразить свои соболезнования. – И твоя несчастная мать осталась с четырьмя детьми.

Он печально вздохнул, словно придавленный этой тяжелой мыслью, но тут же просветлел.

– Такова жизнь, – заключил он философски. – Что ты ищешь под этими камнями?

Я постарался ему растолковать, хотя очень трудно объяснить местным крестьянам мой интерес к разнообразным существам отталкивающего вида и не заслуживающим внимания, к тому же несъедобным.

– Тебя как зовут? – спросил он.

Я ответил «Герасимос», что по-гречески ближе всего к Джеральду, и уточнил, что друзья зовут меня Джерри.

– А я Таки. Таки Танатос. А живу я в Беницесе.

Я спросил, почему он оказался так далеко от родной деревни. Он пожал плечами:

– Приплываю сюда на лодке. Поужу рыбу, поем, посплю, а как начнет смеркаться, зажигаю фонари и возвращаюсь в Беницес, а по дороге снова рыбачу.

Я сразу сделал стойку. Дело в том, что незадолго до этого, вернувшись из города, мы остановились перед тропинкой, что вела к нашей вилле, увидев внизу медленно плывущую лодку с угольной лампой накаливания на носу, которая бросала на темную водную гладь сноп света, выхватывая с необыкновенной яркостью целые куски морского дна и

риффы, лимонно-зеленые, розовые, желтые, бурые. В тот момент я подумал, какое же это увлекательное занятие – рыбная ловля. Вот только я не был знаком с рыбаками. И сейчас я посмотрел на Таки другими глазами.

Я закидал его вопросами: в котором часу он начинает ловить рыбу и собирается ли обойти рифы, разбросанные между бухтой и Пондиконисси?

– Около десяти, – сказал он. – Прохожу вокруг острова и беру курс на Беницес.

Я поинтересовался, нельзя ли мне к нему присоединиться, и пояснил, что на рифах живут разные необычные существа, к которым можно подобраться только на лодке.

– Почему нет, – сказал он. – Я буду ждать возле Менеласа. Подходи к десяти вечера. Объедем рифы, а потом я отвезу тебя обратно и отправлюсь в свой Беницес.

Я с горячностью заверил его, что буду как штык, и, подхватив сачок и баночки и свистнув Роджера, спешно ретировался, пока он не передумал. Отойдя на безопасное расстояние, я умерил шаг и задумался над тем, как мне уговорить семейство в целом и мать в частности, чтобы они меня отпустили в море на ночь глядя.

Я знал, что мать беспокоит мой категорический отказ от сиесты. Я сто раз ей объяснял, что в дневную жару у насекомых и прочих самый пик активности, но мои доводы ее не убеждали. А в результате под вечер, когда начинало происходить самое интересное (например, словесные баталии между

Ларри и Лесли), мать объявляла, что мне пора спать, так как я не отдыхал днем.

Я опасался, что по этой причине может сорваться моя ночная затея. Сейчас было только три часа дня, а значит, семейка кемарит за закрытыми ставнями и проснется, чтобы начать свое полусонное жужжание, как опьяненные солнцем мухи, не раньше половины шестого.

Я с крейсерской скоростью помчался на виллу. Когда до нее оставалось футов триста, я снял рубашку и осторожно завернул в нее все банки с образцами, а то бы они своим треньканьем меня выдали. Я предупредил Роджера под страхом смертной казни не издавать ни звука, после чего мы тихо пробрались на виллу и как две тени проскользнули в мою спальню. Роджер, отдуваясь, уселся посреди комнаты и с изумлением взирал на то, как я раздеваюсь и залезаю в постель. Он явно не одобрял столь неподобающее поведение. Куда ж это годится – день, суливший необыкновенные приключения, в самом разгаре, а я тут собираюсь спать! Он попробовал заскулить, но я так свирепо его окоротил, что он опустил уши, поджал хвост-обрубок, залез под кровать и там с печальным вздохом свернулся калачиком. А я взял книжку и попытался сосредоточиться. Из-за прикрытых ставень комната напоминала зеленый прохладный аквариум, хотя на самом деле воздух был стоячий и жаркий и пот с меня катил градом. «Что хорошего они видят в сиесте?» – спрашивал я себя, ерзая на уже волглой простыне. Какая им от этого

польза? Для меня была загадка, как они вообще могут спать в такую жару. И тут я провалился в сон.

Проснулся я в четверть шестого и, полусонный, прибрел на веранду, где вся семья пила чай.

– О боже, – воскликнула мать. – Ты что, спал?

Я как бы между делом заметил, что сиеста пойдет мне на пользу.

– Дорогой, ты не заболел?

Да нет, сказал я, со мной все в порядке. А спал я, чтобы отдохнуть перед вечерней программой.

– Какой еще программой? – спросила мать.

Со всей непринужденностью, на какую только был способен, я сказал, что в десять меня заберут на ночную рыбалку. Только в это время, пояснил я, в море появляются некоторые обитатели, и лучшего способа их пособирать просто не существует.

– Я надеюсь, это не означает, – зловеще начал Ларри, – что у нас по дому начнут ползать осьминоги и морские угри. Мать, лучше сразу его останови. Ты не успеешь оглянуться, как наша вилла провоняет не хуже рыбного рынка.

Я с некоторой горячностью возразил, что не собираюсь никого приносить в дом, а помещу их в специальную заводь.

– Десять часов – довольно позднее время, дорогой, – сказала мать. – Когда же ты вернешься?

Я соврал на голубом глазу, что, скорее всего, вернусь около одиннадцати.

– Оденься потеплее, – сказала она.

Какими бы ночи ни были теплыми и благоуханными, мать не сомневалась, что, если я не надену свитер, двустороннее воспаление легких мне обеспечено. Я клятвенно пообещал тепло одеться и допил свой чай, а потом час или около того с удовольствием собирал все необходимое: сачок с длинной ручкой, бамбуковую палку с тремя крючками на конце для сбора интересных водорослей, восемь больших банок из-под варенья, семь жестянок и коробочек для крабов и моллюсков. Убедившись в том, что матери нет рядом, я надел плавки под шорты и спрятал полотенце на дно сумки, будучи уверен, что за некоторыми экземплярами мне придется нырять. Если бы мать об этом узнала, ее страхи насчет двустороннего воспаления легких возросли бы стократно.

Без четверти десять я закинул сумку за спину, взял фонарик и зашагал вниз по склону среди олив. Луна висела в звездном небе бледным пятнистым серпом, почти не дающим света. В черных прогалинах между корнями деревьев жуки-светляки посверкивали, как изумруды, в темноте ухали совы-сплюшки.

Когда я пришел к морю, Таки сидел и курил в лодке. Он уже зажег угольную лампу накаливания, и она, недовольно шипя и почему-то распространяя сильный запах чеснока, отбрасывала на воду перед носом лодки круг яркого света, привлечшего внимание разной живности. Бычки и морские собачки повылезали из своих норок и, устроившись на покры-

тых водорослями камней, раздували щеки и нервно сглатывали, как зрители в театре, заждавшиеся поднятия занавеса. Зеленые крабы шустро сновали, то и дело останавливаясь, чтобы деликатно отщипнуть от водорослей маленький кусочек и аккуратно положить в рот. А еще частенько сновали раковины волчков, нахлобученные раками-отшельниками, которые сменили их законных обитателей, моллюсков.

Я уложил свое снаряжение на дно лодки и уселся с довольным выдохом. Таки столкнул лодку в воду и с помощью одного весла направил ее по мелководью среди зарослей сидонии, шуршащих и шепчущихся вокруг скользящего корпуса. Когда стало поглубже, он закрепил в уключинах оба весла и стал налегать на них стоя. Мы шли очень медленно. Таки внимательно следил за световым нимбом, освещавшим морское дно футов на десять во все стороны. Музыкально поскрипывали уключины, Таки напевал себе под нос. Вдоль борта лежала почти десятифутовая острога, заканчивавшаяся пятью зазубренными остриями. На носу я заметил бутылочку с оливковым маслом, столь необходимое подспорье рыбака: если ветер поднимет небольшую волну, стоит только плеснуть масло, и оно окажет поистине волшебное умиротворяющее действие на морскую поверхность. Мы медленно, но неуклонно приближались к черному треугольному силуэту Пондиконисси, где нас ждали рифы. Когда мы к ним подошли, Таки на секунду облокотился на весла и поглядел на меня.

– Минут пять покружу, авось что-то поймаю. А потом дам тебе поохотиться.

Я с радостью согласился, горя желанием посмотреть, как Таки будет орудовать своей увесистой остройгой. Мы осторожно обходили большой риф, фонарь освещал причудливые подводные скалы, покрытые розовыми и пурпурными водорослями, напоминавшими этакие ворсистые дубы. Глядя в воду, я ощущал себя пустельгой, парящей над разноцветным осенним лесом.

Вдруг Таки перестал загребать и тихо опустил весла в воду, так что они затормозили ход. Лодка почти остановилась, а он взял в руки острогу.

– Смотри, – сказал он, показывая на песчаное дно у основания скалы, возвышавшейся, как мощный бастион. – Скорпиос.

Сначала я ничего не увидел, но потом понял, что он имеет в виду. На дне лежала рыба длиной в два фута, с изящной филигранью острых шипов на спине, как у дракона, и огромными нагрудными плавниками, распластанными на песке. У нее была широченная голова с золотистыми глазами и угрюмо надутые губы. Но больше всего меня поразила ее расцветка: черед алых и винно-красных полосок, подчеркнутых белым. Яркая и неподвижная, она производила впечатление необыкновенно уверенной в себе и при этом угрожающе опасной.

– Вкусная штучка, – прошептал Таки, удивив меня, так

как на первый взгляд она казалась исключительно ядовитой.

Медленно, практически незаметно опускал он острые вилы в пучину. Слышно было только раздраженное шипение фонаря. Неумолимо, дюйм за дюймом, острога сближалась с жертвой. Я затаил дыхание. Неужели эта рыбина с золотисто-крапчатыми глазами не заметит надвигающейся катастрофы? Один взмах хвоста – и от нее останутся лишь захватки песка. Но нет, она продолжала лежать, периодически сглатывая с самодовольным видом. Когда до жертвы оставалось около фута, Таки вдруг замер, поменяв на шесте хватку. Он стоял неподвижно не больше секунды, которая показалась мне вечностью, а затем так быстро, что я даже не уловил движения, вонзил в голову рыбины все пять зубьев. Поднялся водоворот из песка и крови. Рыба билась и извивалась так, что иглы на спине ударялись об острогу. Но Таки вогнал ее так умело, что нечего было и думать о спасении. Перехватывая шест руками, Таки быстро вытащил острогу, и вот уже рыбина билась о дно лодки. Я подошел, чтобы помочь снять ее с зубьев, но он меня резко оттолкнул.

– Осторожней. Скорпиос – рыба злая.

Я наблюдал за тем, как он с помощью лопасти весла снимает рыбу с остроги, и, хотя по всем законам та уже должна была обмякнуть, тем не менее она продолжала биться и извиваться и даже загоняла свои спинные шипы в деревянный борт.

– Гляди, гляди, – сказал Таки. – Теперь ты понимаешь,

почему мы ее называем скорпиос? Если она тебя ткнет своими шипами, это будет такая боль... святой Спиридон! Придется мчать в больницу.

С помощью весла и остроги, не говоря уже о ловких манипуляциях, ему удалось поднять скорпену и бросить в жестянку из-под керосина, откуда тварь нам ничем не грозила. Я спросил, как она может быть вкусной, если она такая ядовитая.

– Так это же спинной плавник, – объяснил Таки. – Его надо срезать. А мякоть сладкая, как мед. Я тебе дам, отнесешь домашним.

Он налег на весла, и мы под скрип уключин снова заскользили вдоль рифов. Вскоре он притормозил. Здесь и там на песчаном дне виднелись пучки еще зеленых посидоний. Лодка совсем остановилась, и Таки взял в руки острогу.

– Гляди, – сказал он. – Осьминог.

У меня сердце екнуло от восторга. До сих пор я видел только мертвых осьминогов в продаже, а это, я был уверен, совсем не то, что живые. Но как я ни всматривался, песчаное дно казалось безжизненным.

– Да вон же, вон, – показал Таки, опуская острогу поглубже. – Не видишь? Ты что, глаза дома забыл? Вон, *вон*. Я его почти касаюсь.

Я по-прежнему ничего не видел. Таки опустил острогу еще на фут.

– Ну что, дурачок, теперь видишь? – спросил он со смеш-

ком. — Прямо под зубьями.

И тут я его увидел. Все это время я на него пялился, но для меня он сливался с песком и водорослями. Он сидел, словно в гнезде из собственных щупальцев, и два на удивление человеческих глаза на лысой куполообразной голове по-сиротски глядели на нас.

— Здоровый, — сказал Таки.

Он перехватил острогу, но сделал это не так ловко. Неожиданно осьминог из песчано-серого превратился в переливчато-зеленого. Он выпустил из своей сифонной трубки струю воды и, получив импульс, дал стрекача, взвихрив вокруг себя песок. Его щупальца тянулись сзади, и он был похож на улетающий воздушный шар.

— А, *gammoto!* — ругнулся Таки.

Бросив в лодку острогу, он схватился за весла и быстро погреб вслед за беглецом. Судя по всему, осьминог отличался трогательной верой в свой камуфляж, потому что отплыл всего футов на тридцать и снова прилег.

Таки подобрался поближе и снова пустил в ход острогу. Но на этот раз он был предельно осторожен. Когда вилы нависли в каком-то футе над куполообразной головой жертвы, он усилил хватку и вогнал их в цель. Тут же поднялось облако серебристого песка, щупальца выделяли немыслимые кульбиты, обвивались вокруг остроги. Осьминог выстрелил чернильной струей, и та повисла дрожащим черным кружевным занавесом, а еще стелилась над песком, как коль-

ца дыма. Таки крякал от удовольствия. Он быстро вытащил острогу, и, когда осьминог оказался в лодке, два щупальца ухватились за борт. Он рывком заставил их оторваться, при этом раздался такой треск, будто отлепили кусок штукатурки, только в тысячу раз громче. Обхватив круглое слизистое тело, Таки ловко снял его с острых зубцов, а затем, к моему изумлению, поднес эту голову Медузы с извивающимися волосами к своему лицу, и щупальца мгновенно обвились вокруг его лба, щек и шеи, оставляя на смуглой коже белые следы от присосок. Вдруг, выбрав некую точку, Таки зарылся носом в самое нутро студенистого тела, щелкнули зубы, а голова дернулась вбок, как у терьера, разрывающего крысу на части. Видимо, он перекусил какой-то ключевой нервный центр, потому что щупальца тотчас ослабили свою хватку и безвольно повисли, только кончики слегка подергивались и загибались. Таки швырнул осьминога в жестянку к скорпене, сплюнул за борт и, зачерпнув морской воды, прополоскал рот.

– Ты приносишь удачу. – Он улыбнулся и вытер рот. – Нечасто мне удается поймать и скорпиоса, и осьминога.

Но похоже, после этого удача ему изменила: мы несколько раз обошли рифы, но больше ничего не поймали. Мы видели мурену, высунувшую голову из норы в скале, очень даже злобную голову размером с собачью. Но стоило Таки опустить в воду острогу, как мурена весьма изящно и с особым достоинством снова спряталась в скале, и больше мы ее не

видели. Чему я был только рад, так как определил на глаз, что мурена минимум шестифутовая, и сражаться с таким монстром в слабо освещенной лодке – то еще удовольствие даже для такого заядлого натуралиста, как я.

– Ну что ж, – философски изрек Таки. – А теперь перейдем к твоей рыбной ловле.

Он отвез меня к самому большому плоскому рифу и высадил вместе с моим снаряжением. Вооружившись сачком, я бродил по краю, а Таки подгрребал за мной на расстоянии полдюжины футов, подсвечивая сумеречную красоту скал. Здесь бурлила такая жизнь, что я засомневался в моей способности все это выловить.

Тут были тщедушные морские собачки в золотисто-алом наряде; некие крохи размером с полспички, красный столбик тельца, черные глазища, и другие, такие же крохи цвета берлинской лазури и окиси кобальта. Кроваво-красные морские звезды и пурпурные, ломкие офиуры с длинными изящными остроконечными лучами, которые беспрерывно сворачивались и разворачивались. Их надо было вытаскивать сачком с предельной осторожностью – одно резкое движение, и они с отчаянным безрассудством избавлялись от своих конечностей. Крепидулы, или улитки-тапочки: если такую перевернуть, обнаружится аккуратная костяная подошва, так что улитка и впрямь похожа на мешковатый, довольно бесформенный домашний тапок на подагрическую ногу. Раковины-ципреи – от белоснежных, нежно-ребристых до кре-

мовых, в пурпурно-черных метках. А раковины хитонов, до двух с половиной дюймов длиной, похожие на мокриц-переростков, облюбовали расщелины скал. Увидев крохотную каракатицу величиной со спичечный коробок, я чуть не свалился с рифа в попытке ее поймать, но, к моему огромному огорчению, она сбежала. Не прошло и получаса, а мои банки, жестянки и коробочки уже ломились от морских существ, и я понял, что хочешь не хочешь, а придется остановиться.

Таки по-добрососедски отвез меня в мою любимую бухту и с любопытством посмотрел, как я осторожно выпускаю всякую живность в специально оборудованную заводь. А затем довез до пристани южнее Менелаоса. Он пропустил шнурок через жабры мертвой скорпены и протянул ее мне:

– Скажи своей матери, что скорпиоса надо готовить с острой паприкой и оливковым маслом и есть с картошкой и молодыми кабачками. Будет очень вкусно.

Я поблагодарил его за подарок и проявленное терпение.

– Еще порыбачим, – сказал он. – На следующей неделе. В среду или в четверг. Когда приеду, дам тебе знать.

Я ответил, что буду ждать. Он оттолкнул лодку и, орудуя одним веслом, взял курс через мелководье на Беницес.

– Удачи! – крикнул я ему вслед.

– *Pastocalo*, – ответил он. – Всего наилучшего.

Я развернулся и устало поплелся на холм. Полтретьего ночи, какой ужас! Мать наверняка убедила себя в том, что я утонул или меня сожрала акула или еще что-то в этом роде.

Одна надежда, что рыба-скорпион ее хоть немного успокоит.

3

Миртовый лес

Примерно в полумиле к северу от нашей виллы, за поредевшими оливковыми рощами, раскинулось плоскогорье в пятьдесят или шестьдесят акров, где не росло ни одной оливы. Только зеленый лес из миртовых кустов с пролежня-ми каменистой луговины, украшенной чудными канделябрами чертополоха цвета электрик да крупными луковицами подснежника. Это было мое излюбленное место охоты из-за огромного разнообразия мира насекомых. Притаившись в тенистых, остро пахнущих кустах мирта, мы с Роджером наблюдали за проползающими мимо нас существами, и в определенные дневные часы какая-нибудь ветка мало чем отличалась от оживленной городской улицы.

Здесь было много богомоллов, до трех дюймов в длину, с яркими зелеными крылышками. Они балансировали в кустах мирта на своих тонких ножках, фарисейски сложив перед собой изощренно выгнутые передние лапки в молитвенном жесте, а их остренькие мордочки с выпуклыми, соломенного цвета глазками вертелись по сторонам, ничего не пропуская, точь-в-точь костлявые, озлобленные старые девы на вечеринке с коктейлями. Стоило белой капустнице или перламутровке присесть на глянцеви́тый лист мирта, как богомол начинал осторожненько, почти незаметно к ней под-

крадываться, то и дело останавливаясь и тихо раскачиваясь, дабы заставить бабочку поверить в то, что это не он, а всего лишь потревоженный ветром листок.

Однажды я видел, как богомол притаился, а затем бросился на бабочку-парусника, которая, сидя на солнце, в задумчивости шевелила крыльями. Но в последний момент он оступился и в результате схватил ее не за тельце, а за крылышко. Бабочка мгновенно вышла из транса и так отчаянно замахала крыльями, что богомол потерял равновесие. В общем, она сумела кривобоко взлететь, лишившись части крылышка. А он уселся с глубокомысленным видом и полакомился тем, что осталось у него в лапах.

Под валяющимися среди чертополоха камнями кто только не жил, хотя земля под палящим солнцем сама превратилась в камень и на ней можно было варить яйца. Там обитало существо, от которого у меня всегда бежали по спине мурашки: плоская многоножка, длиной около двух дюймов, с бахромой из длинных тонких ножек по обе стороны туловища, которая могла пролезть в самую крохотную щель. Она перемещалась с необыкновенной скоростью, даже не бежала, а скользила по земле наподобие голыша, пущенного по льду. Их называют *Scutigerae*, и, пожалуй, лучше об этом уродливом локомотиве и не скажешь.

Среди камней можно было обнаружить пробуравленные в твердом грунте ходы величиной в полкроны и больше, обтянутые внутри шелковистой паутиной и снаружи окружен-

ные трехдюймовым паутинным кольцом. Это были норы тарантулов, здоровых, толстых, шоколадного цвета пауков в желтовато-коричнево-лимонных отметинах. Если такой раскинет ноги, то покроет кофейное блюдце, притом что тельце меньше грецкого ореха. Могучие существа, ловкие и жестокие охотники, демонстрирующие замечательный в своей злокозненности ум. В основном они охотились ночью, но иногда можно было увидеть среди дня, как они, длинноногие, шныряют в чертополохе в поисках добычи. Как правило, при виде человека они убегали и прятались в зарослях мирта, но однажды тарантул был так увлечен своим делом, что позволил мне подойти довольно близко.

Он пристроился на синеголовнике, в шести-семи футах от своей норы, и, помахивая передними лапками, оглядывался вокруг, ну прямо как охотник, взобравшийся на дерево, чтобы высмотреть дичь. Он это делал минут пять, пока я наблюдал за ним, присев на корточки. В конце концов он осторожно слез с чертополоха и с решительным видом куда-то направился, как будто кого-то засек с верхотуры. Лично я не обнаружил в окрестностях никаких признаков жизни, да и сомнительно было, что у тарантула столь острый взгляд. Но паук продолжал шагать с прежней уверенностью, пока не достиг высокого коикса (он же слезы Иовы); головки с семенами у этого тонкого дрожащего злака напоминали хлеб-плетенку. Приблизившись, я вдруг понял, что привлекло внимание тарантула: в глубине изящного фонтана из белых стеблей

примостилося гнездо жаворонка. В нем лежали четыре яйца, и из одного только что вылупился розовый пушистый птенец, стоявший на нетвердых ножках среди осколков скорлупы.

Прежде чем я сообразил, как прийти птенцу на помощь, тарантул остановился перед гнездом, на секунду замер, этакий монстр, а затем прижал к себе дрожащего малыша и запустил ему в спину свои длинные кривые жвала. Птенец разинул рот и минуты две еле слышно попищал, а потом пару раз дернулся в мохнатых объятьях. Но вот яд подействовал, птенец на миг окостенел и затем обмяк. Паук еще подождал, а убедившись, что яд подействовал, развернулся и зашагал прочь с птенцом в челюстях. Он был похож на необычного длинноногого ретривера, несущего в пасти свою первую охотничью сезонную куропатку. Ни разу не остановившись, тарантул скрылся в норе вместе с обмякшим жалким тельцем.

Эта встреча меня поразила по двум причинам: во-первых, я не ожидал, что тарантул может покуситься аж на птенца, и, во-вторых, не понимал, каким образом он определил местоположение гнезда – а ведь он это сделал, так как проследовал прямоком в нужном направлении, совершенно безошибочно. От чертополоха, на который тарантул взобрался, до гнезда было футов тридцать, я измерил шагами, и мне было ясно, что никакой паук не способен на таком расстоянии разглядеть хорошо замаскированное гнездо, да еще и птенца в нем. Оставался запах, но, опять же, даже зная, что разные твари

способны улавливать ароматы, нам, людям, недоступные, я посчитал, что в такой безветренный день и при таком расстоянии требуется особое обоняние. И пришел к единственно возможному объяснению: в процессе обхода своих владений тарантул обнаружил гнездо и потом периодически проверял, не вылупились ли уже птенцы. Впрочем, меня оно не удовлетворило, так как тем самым я приписывал насекомому способность к мышлению, каковой он наверняка не обладал. Даже мой оракул Теодор не мог дать внятного объяснения. Одно я точно знал: этой весной несчастной чете жаворонков не удалось вскормить ни единого птенца.

Еще в миртовом лесу меня сильно интересовали личинки муравьиного льва. Взрослые особи отличаются размером, но все по большей части серые. Они похожи на крайне неопрятных обезумевших стрекоз. Крылышки у них непропорциональны туловищу, и они машут ими с таким отчаянием, словно боятся упасть и разбиться. Это неуклюжие и добродушные существа, не причиняющие никому вреда. Чего не скажешь о личинках. То, что прожорливые личинки стрекозы творят в прудах, личинки муравьиного льва устраивают в песке между кустами мирта. Единственным признаком их присутствия были необычные конической формы ямки в довольно мягком грунте. Впервые обнаружив их, я терялся в догадках. Может, это мыши докапывались до корешков или еще что-то в этом роде. Мне было невдомек, что на дне каждой такой ямки притаился собственной персоной строитель

этой опасной ловушки, готовый к бою. И лишь когда я увидел все собственными глазами, до меня дошло: для личинки это не только родной дом, но еще и коварная засада.

Вот деловито побежал муравей (почему-то мне всегда казалось, что, трудясь, они напевают себе под нос). Это мог быть маленький черный или крупный рыжий, который иногда зачем-то вставал, демонстрируя свое рыжее брюшко и делаясь вдруг похожим на зенитное орудие. Кем бы он ни был, стоило ему попасть в такую ямку, и он тут же начинал в нее съезжать. Он, конечно, предпринимал попытку выбраться, но песок под ним осыпался, и в конце концов он скатывался вниз. Для личинки это был сигнал к началу действий. На муравья вдруг обрушивалась пулеметная очередь из песка или земли, а дулом была голова личинки. Осыпавшийся под ногами песок вместе с артобстрелом приводил к тому, что муравей бесславно скатывался на дно. И тогда из песка мгновенно высывалась плоская муравьиноподобная голова с огромными изогнутыми челюстями, похожими на два серпа. Она их запускала в несчастного муравья и утаскивала его, вырывающегося и брыкающегося, в могилу. Считая, что эти личинки коварно обманывают неразумных и простодушных муравьев, я без всяких угрызений совести их выкапывал и приносил домой, где они выводились в особых клеточках из муслина, и ранее мне неизвестных особей я добавлял в свою коллекцию.

Однажды случилась жуткая гроза, черно-синее небо раз-

резали серебряные молнии филигранной работы. А затем хлынул дождь – огромные тяжелые капли, теплые, как кровь. Когда гроза прошла, омытое небо стало чистейше голубым, как яйцо лесной завирушки, мокрая земля источала чудесные, почти гастрономические запахи то ли фруктового тор-та, то ли сливового пудинга, а от просыхающих на солнце олив шел такой пар, что казалось, стволы охвачены огнем. Мы с Роджером любили эти летние грозы. Было здорово шлепать по лужам и чувствовать, как одежда на тебе намокает под теплым дождем. К тому же Роджер с большим удовольствием облаивал молнии. Как-то мы шли через миртовый лес, и я подумал, что после грозы могли появиться на свет божий разные существа, которые обычно в это время прячутся в норах от жары. И точно, на ветке мирта две жирные улитки янтарно-медовой расцветки медленно ползли навстречу друг дружке, призывно пошевеливая рожками. Вообще-то, в эту пору улитки летоовали. Они приклеивались к удобной ветке, затягивали вход в раковину этакой дверцей словно из папиросной бумаги и прятались в своем домике, оберегая влажное тельце от палящего солнца. Видимо, аномальная гроза вывела их из спячки и пробудила в них романтические чувства. Они сходились и наконец сошлись рожками. Их пристальные взгляды встретились надолго. Затем одна слегка развернулась и подползла к другой сбоку. И тут произошло нечто такое, что я не поверил собственным глазам. У обеих из боков выстрелили миниатюрные, хрупкие на

вид белые стрелы на таких же ниточках. Стрела № 1 вонзилась в бок № 2, и наоборот. И вот они замерли бок о бок, на белых ниточках, как два корабля, соединенные канатами. Это само по себе было необычно, но впереди меня ждали еще более удивительные вещи. Ниточки стали укорачиваться, а улитки сближаться. Чуть не носом в них уткнувшись, я пришел к невероятному заключению, что в их телах существует некий подобный лебедке механизм, затягивающий нить, пока обе особи не окажутся прижатыми друг к дружке. Я понял, что происходит спаривание, но они настолько слились, что сам акт был не виден. Минут пятнадцать они наслаждались этой близостью, а затем – ни тебе благодарности, ни прощального кивка – уползли в разные стороны, без всяких стрел и ниточек и вообще без каких бы то ни было признаков воодушевления успешно совершенным соитием.

Я был крайне заинтригован и с трудом дотянул до четверга, чтобы поведать Теодору, приехавшему на чай, об увиденном. Он слушал меня, раскачиваясь на носках и серьезно кивая, пока я со всеми яркими подробностями рассказывал, чему стал свидетелем.

– Так-так, – сказал он, когда я закончил. – Считайте, что вам... мм... сильно повезло. Я часто наблюдал за улитками, но ничего подобного не видел.

Я спросил его, не привиделись ли мне эти стрелы и ниточки.

– Нет-нет, – успокоил меня Теодор. – Все так и есть. Эта

стрела состоит из чего-то похожего на... мм... кальций, и, попадая в организм улитки, он, так сказать, исчезает... растворяется. Кажется, есть доказательства того, что он вызывает *чувство покалывания*, которое улитки находят... мм... весьма приятным.

Справедливо ли будет предположить, спросил я, что обе улитки подтягивали свои нити?

– Именно так, – подтвердил Теодор. – Очевидно, что у них есть некий... мм... внутренний механизм, позволяющий это делать.

Я признался, что никогда не видел ничего подобного.

– Да-да. Весьма любопытно. – И тут Теодор взорвал такую бомбу, что у меня перехватило дыхание. – После того как они пристраиваются друг к другу... мм... мужская половина одной улитки спаривается с... э-э... женской половиной другой улитки... и наоборот.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное. Я правильно понял, спросил его осторожно, что каждая улитка является одновременно мужчиной и женщиной?

– Ну да, – подтвердил он. – Гермафродит.

В его глазах мелькнула искорка. Он потер бородку большим пальцем. Ларри, который обычно со страдальческим выражением лица слушал наши дискуссии о природоведении, был не меньше моего огорашен откровениями о сексуальной жизни улиток.

– Теодор, это вы так шутите? – недоверчиво переспросил он. – Вы хотите сказать, что все улитки одновременно мужчины и женщины?

– Вот-вот, – ответил Теодор и с мастерской сдержанностью добавил: – Прелюбопытно.

– О господи! – воскликнул Ларри. – До чего же несправедливо! Какие-то мерзкие слизни ползают по кустам и соблазняют друг друга, как оголтелые, испытывая все виды наслаждений. Я хочу знать, почему человек не награжден подобным даром?

– Действительно. Но тогда вам бы пришлось откладывать яйца.

– Ну да. Зато какой прекрасный предлог сбежать с вечеринки, – заметил Ларри. – «Извините, но мне пора. Надо высиживать яйца».

Теодор хмыкнул.

– Вообще-то, улитки не высиживают яйца, – пояснил он. – Они зарывают их в мокрую землю и уходят.

– Идеальный способ воспитания семьи, – неожиданно, а главное, убежденно заявила мать. – Как жаль, что я не имела возможности зарыть вас в мокрую землю и уйти.

– Какие грубые и неблагодарные слова, – сказал Ларри. – Возможно, сейчас ты породила у Джерри комплекс на всю жизнь.

Если этот разговор и породил у меня комплекс, то лишь в отношении улиток: я уже мысленно планировал масштаб-

ную охоту вместе с Роджером – принесу домой десятки особей, посажу их в жестянки и буду неотрывно наблюдать, как они пускают друг в дружку любовные стрелы. Но хотя я за пару недель отловил сотни улиток и содержал их в заточении с вниманием и заботой (даже устраивал для них с помощью лейки подобие грозы), я так и не сумел склонить их к спариванию.

Мне лишь еще один раз довелось наблюдать за необычной любовной игрой – когда я раздобыл пару огромных виноградных улиток, или ампулярий, на скалах у горы Десяти Святых, а сумел я туда добраться только потому, что на мой день рождения мать сделала мне заветный подарок – купила крепыша-ослика.

Хотя с момента нашего приезда на остров Корфу я знал, что здесь ослов полно, – собственно, сельскохозяйственная отрасль зависела от них, – по-настоящему я об этом задумался только на свадьбе Катерины. Многие ослы тогда пришли со своим потомством, в том числе нескольких дней от роду. Я был очарован их узловатыми коленями, длинными ушами и шаткой, неуверенной походкой и тогда же для себя решил: во что бы то ни стало обзаведусь собственным осликом.

Пытаясь уговорить мать, я ей объяснял, что с осликом, который повезет меня и мое снаряжение, я смогу покрывать большие расстояния. Почему бы ей не сделать мне такой подарок на Рождество? Во-первых, потому, что они дорого стоят, отвечала она, а во-вторых, в это время не бывает дете-

нышей. Если они такие дорогие, возражал я, пускай это будет мне подарок и на Рождество, и на день рождения. Ради ослика я охотно откажусь от других подарков. Я подумаю, отвечала она, но по своему горькому опыту я знал, что она об этом забудет, быстро и безоговорочно. Мой день рождения приближался, и я снова высказал свои доводы в пользу ослика. А мать снова повторила, что она подумает.

И вот однажды Костас, брат работавшей у нас служанки, появился в нашем маленьком саду, неся на плечах связку бамбуковых палок. Весело насвистывая, он выкопал в земле ямки и вставил в них палки, образовавшие квадрат. Наблюдая за ним из кустов фуксий, я спросил себя, что это он задумал. Я свистом подозвал Роджера, и мы подошли поближе.

– Я строю дом для вашей матери, – объяснил мне Костас.

Я был совершенно сбит с толку. Зачем моей матери понадобился бамбуковый домик? Может, она решила спать на воздухе? Вряд ли. Зачем, спросил я у Костаса, ей понадобился бамбуковый домик?

Он поглядел на меня с каменным лицом и пожал плечами.

– Откуда мне знать? Возможно, она хочет в нем хранить саженцы или сладкий картофель на зиму.

Тоже сомнительно. Я еще полчаса понаблюдал за работой Костаса, а когда мне это надоело, мы с Роджером отправились на прогулку.

К следующему дню остов бамбуковой хижины был готов, и теперь Костас, вплетая камыши, основательно строил бу-

душие стены и крышу. Еще через день все было закончено, а результат вызывал в памяти строительные потуги Робинзона Крузо. Когда я спросил у матери о назначении этого домика, мне было сказано, что она пока не знает, но думает, что он пригодится. Пришлось мне удовлетвориться столь туманным ответом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.